

© 2022

Андрей Коломиец

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник

Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

(e-mail: agk1807@mail.ru)

ОБЩЕСТВО НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И РИСКА: ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В статье рассматриваются проблемы критериев оценки институциональных трансформаций, легитимизации и легализации институтов. Отмечается, что в современном обществе институциональные трансформации, которые ранее были, как правило, результатом постепенных и длительно протекающих процессов, часто носят противоречивый характер и испытывают все большее давление неопределенных угроз и рисков, в частности, вследствие увеличения вероятности и масштабов «провалов рынка» и «провалов государства», маргинализации общества, острых социальных конфликтов, негативных эффектов информатизации. В то же время научные представления о критериях выбора необходимых институциональных трансформаций продолжают во многом оставаться неясными.

Ключевые слова: институты, легитимизация, неопределенность, риск, угроза, «безбилетник».

DOI: 10.31857/S020736760021492-0

Современное общество поставлено перед лицом быстрых и подчас катастрофических изменений, новых вызовов, угроз и рисков. Резко ускорились процессы институциональных трансформаций, которые во многих случаях имеют спонтанный характер. Общество часто балансирует на грани восходящих и деструктивных тенденций развития, в ситуации постоянного выбора траектории этого развития. Реакцией на эти процессы стало усиление запроса общества на устойчивое развитие и безопасность. В этой связи необходимо дальнейшее научное осмысление закономерностей и проблем институциональных трансформаций в современном обществе.

Институциональные трансформации как результат коллективных действий. Основа институциональных трансформаций – целеполагание и действия экономических агентов (акторов). Институциональные трансформации происходят постоянно. Как отмечал Д. Норт, «устойчивость институтов ни в коей мере не противоречит тому факту, что они претерпевают изменения. Развиваются все институты – начиная от традиционных условностей, кодексов и норм поведения до писанного права, обычного права и контрактов между индивидами» [8]. Институты не рождаются, подобно Афине «из головы Зевса». Процессы формирования институтов имеют историческую длительность. Финальная стадия формирования институтов – легитимизация. Суть легитимизации – общественное признание в качестве общепринятой нормы или правила, или

господствующего убеждения. Легитимность является интегральной характеристикой качества институтов [11].

Но признанный обществом институт в большинстве случаев отражает интересы преимущественно конкретных социальных групп и в значительно меньшей степени — интересы общества в целом, если вообще как-то с ними связан. Как отметил М. Олсон, действия от имени группы индивидов с общими интересами чаще всего выражают интересы притязающих на доминирование малых социальных групп и/или активного меньшинства этих групп и не совпадают с интересами максимизации общественного благосостояния [9]. Наличие общих интересов не предопределяет обязательное стремление участников групп действовать совместно в целях реализации этих интересов. В среднесрочной перспективе (тем более, в долгосрочной перспективе) меняются и сами интересы (групповые и индивидуальные), и состав участников групп. Только с учетом изложенного можно согласиться с утверждением Д. Асемоглу и Дж. Робинсона, что в конечном итоге экономические институты (так же, как и политические институты) являются коллективным выбором общества [13].

Логика коллективных решений, исследованная М. Олсоном [9], позволяет предполагать, что институциональные трансформации, кто бы их ни инициировал, во многих случаях не имеют целей способствовать совершенствованию институтов и повышению общественного благосостояния. Действия «безбилетника», желающего использовать результаты соединенных усилий, но уклоняющегося от бремени и ограничений, которое этим усилиям способствуют (в первую очередь, от бремени налогов и платежей), также препятствует единству коллективных действий [18], в том числе при создании институтов. Эти ограничения являются важнейшими причинами того, что, как отметил Д. Норт, экономическая история любой страны представляет собой соединение разных тенденций развития — продуктивных и контрпродуктивных [8].

Адекватная оценка этих тенденций и результатов их взаимодействия является одной из наиболее сложных проблем экономической и социальной теории и истории. Исследование этой проблемы выходит далеко за рамки предмета данной статьи. Остановимся только на одном из критериев, который может использоваться для оценки состояния общества и социальных институтов. Этот критерий характеризует фактически состояние распада общества, когда оно находится под контролем конкурирующих автократов, которых М. Олсон характеризовал как «кочующих бандитов». Олсон использовал в качестве реального прообраза своих «кочующего» и «стационарного» «бандитов» характерный для Китая эпохи гражданских войн XX столетия тип «военного правителя» [23]. Такие «военные правители» фактически разделили между собой страну в 1916–1928 годах («эра милитаристов»). Социальный распад характеризуется также атомизацией общества и доминированием малых групп, когда по цитируемому М. Олсоном определению Дж. Хоманса, «повсеместная враждебность между

небольшими группами была условием их сплоченности изнутри» [9]. Эти характеристики дополняют, по нашему мнению, «вульгаризация и варваризация правящего меньшинства» [12]. Указанные характеристики представляются важными, поскольку позволяют оценивать, с известной долей условности, динамику развития общества. Очерченный М. Олсоном образ «кочующего бандита» не только характеризует состояние распада общества, но и может быть использован для оценки направленности институциональных трансформаций: если институты преимущественно адаптируются к интересам «кочующего бандита» — деструктивные тенденции преобладают. Доминирование «кочующих» бандитов влечет за собой угрозы движения общества по нисходящей, деструктивной траектории развития. Напротив, если в структуре коллективных интересов, формирующих социальные институты, преобладают интересы более широкие, нежели интересы «кочующего бандита» и его преемника «стационарного бандита», общество эволюционирует по восходящей траектории развития.

Однако, представляется ошибкой использование образов «кочующего» или «стационарного» «бандита» как универсальных характеристик действий государства. Претенденты на указанные роли есть в любом обществе. Но именно качество институтов — формальных и неформальных — и диапазон институциональных трансформаций, которые общество допускает под воздействием постепенных изменений своих ценностей и внешних обстоятельств, определяют возможности активизации соответствующих персонажей и противодействия им со стороны здоровых сил общества.

Именно история китайского общества прошлого века, которому удалось в сравнительно короткий исторический срок, хотя и с колоссальными издержками, обуздать своих «бандитов» как «стационарных», так и «кочующих» и начать движение по восходящей траектории развития — наглядное тому подтверждение.

В связи с рассматриваемой проблематикой следует отметить попытку интерпретировать действия руководства СССР в предвоенные годы в соответствии с логикой действий «диктатора» и «стационарного бандита» в работе «Политическая экономия сталинизма» [5]. Неудача этой попытки тем более показательна, что она была предпринята высококвалифицированным исследователем П. Грегори в сотрудничестве с рядом других ученых, которые привлекли большой фактический материал. Однако автор так и не нашел внятной аргументации в поддержку концепции, заявленной в начале исследования, и, более того, по сути, показал невозможность объяснить ход и результаты индустриализации СССР на основе модели управления государством «стационарного бандита» или близких по содержанию моделей «научного планирования» (в интерпретации Грегори), «диктатора-эгоиста», «диктатора-рефери». Не будет большим преувеличением утверждение, что неудача была предопределена: институциональная повестка, связанная с социальными преобразованиями СССР в предвоенные

годы — развитием образования, науки, здравоохранения, культуры, ускоренным темпом развития окраин и т.д., — не укладывается в прокрустово ложе концепции государства — «стационарного бандита».

Легитимизация и легализация институтов. Понятия «легитимизация институтов» и «легализация институтов» необходимо различать, как и соответствующие процессы. Легальный институт, как правило, — институт, функционирование которого оформлено правовыми и/или нормативными актами, имеющими силу правового установления, и, следовательно, институт, поддержанный силовыми структурами государства. С другой стороны, легитимизированный обществом, но не получивший по тем или иным причинам полностью легального статуса институт, как правило, продолжает свое существование преимущественно как неформальный и поддерживается силой общественного мнения и деятельностью каких-либо неформальных групп.

Еще один вариант легитимизации имеет место в случаях, когда государство вынуждено легализовать институты, фактически получившие легитимность благодаря признанию значительной частью экономических агентов. Так, фактическая легитимизация криптовалют вынудила денежные власти многих стран эти валюты легализовать и регулировать, определив тем или иным путем правовой статус соответствующих сделок. Эта легализация происходит несмотря на скептическое во многих случаях отношение денежных властей к ценности криптовалют (за исключением “цифровых аватаров” национальных валют). Так, Председатель Европейского Центрального Банка К. Лагард прямо заявила, что криптовалюты «ни на чем не основаны» (“*based on nothing*”), но должны регулироваться, чтобы люди не спекулировали на них своими сбережениями [16]. Институциональный парадокс заключается в том, что именно отсутствие легализации и тем самым возможность ухода от налогов, совершения операций, связанных с отмыванием денег, является одной из причин быстрого распространения и фактической легитимизации криптовалют, в то время, как включение криптовалют в сферу законодательного регулирования ставит этим действиям определенные препятствия. Пока нет ясного ответа на вопрос, как изменятся рынки криптовалют в результате этих институциональных новаций, тем более в условиях роста процентных ставок денежных рынков, неустойчивости и волатильности глобальных финансовых рынков.

Легализация института не всегда сопровождается полноценной легитимизацией, даже когда институт поддержан влиятельной малой группой. Примером, который уже может претендовать на наименование «классического», является легализация российской приватизации начала 90-х годов прошлого века как правового института, и, соответственно, легализация «приватизированной» собственности как частной. Однако в результате к началу XXI столетия в РФ сложилась «собственность без легитимности». Причем, как заметил Р. Капелюшников, «проблема размытой нелегитимности не поддается лечению

ни с помощью хирургического вмешательства (вроде тотальной деприватизации), ни с помощью терапевтических средств (вроде компенсационного налога на приватизированную собственность)» [6]. Фактические полномочия по распоряжению и пользованию имуществом являются результатом персональных взаимоотношений лиц, которые понимают, что вероятность легитимизировать такие полномочия крайне низкая и оттого не заинтересованы менять сложившийся порядок вещей. «Собственников-олигархов» большая часть общества продолжает оценивать как реинкарнацию «кочующих бандитов». Экономическое поведение этих и более мелких персонажей, охваченных рациональным в их положении стремлением «отжать» из любого бизнеса максимум активов, которые (как им кажется) где-то можно сохранять безопасно, является прекрасной иллюстрацией справедливости замечания Олсона, что «в мире кочующего бандитизма практически нет стимулов для кого-либо производить или накапливать что-либо, так как это может быть украдено» [23]. Вполне закономерно, что межумочный институт «приватизированной» собственности не стал фактором устойчивого развития общества, а масштабный отток капиталов, при хроническом недостатке инвестиционных ресурсов является одной из критических угроз экономическому росту.

Легализация и легитимизация конкретного института свидетельствуют о завершении процесса его формирования и одновременно о начале его эволюции. В ходе эволюции институты изменяются в результате различных коллективных действий. Эти изменения также требуют легализации и легитимизации в необходимых случаях. Институт, сохранив название и определенные в начале своего существования функции, в остальном может трансформироваться коренным образом.

Общество неопределенности и риска: главные особенности. Институциональные трансформации в предшествующие эпохи были, как правило, результатом долгосрочных процессов. Поступательные изменения периодически сменялись периодами скачкообразных перемен, в отношении которых правомерно использовать термин «революционные». Напротив, в современных условиях институциональные трансформации слишком часто приобретают характер внезапных и шокирующих сдвигов. Представляется, что общая причина таких качественных изменений – превращение современного общества в общество неопределенности и риска.

Неопределенность и риски присущи экономической деятельности в любом обществе. Неопределенность и продуцируемые неопределенностью риски являются постоянными спутниками и предпосылками экономической деятельности. «Если мы хотим понять функционирование экономической системы, мы должны осмыслить суть и значимость фактора неопределенности», отмечал Ф. Найт. Под риском, как правило, подразумевается вероятность причинения ущерба той или иной угрозой. Найт выявил фундаментальное различие между

рисками, которые по своей природе поддаются измерению, могут быть измерены, а, следовательно, возможный ущерб тем или иным способом может быть возмещен, и «неопределенностью, которую невозможно измерить, а значит, и устранить». При этом «использование ресурсов для уменьшения неопределенности является операцией, сопряженной с наибольшей неопределенностью из всех возможных» [19].

Таким образом, теоретическая граница между неопределенностью и рисками проведена достаточно отчетливо. Однако в конкретных случаях определить эту границу ex-ante, т.е. определить, какими рисками и в каком объеме можно управлять – прежде всего, идентифицировать, оценивать, страховать и возмещать, – часто затруднительно. В современном обществе, во-первых, резко увеличились масштабы неопределенности, с которой сталкиваются экономические агенты, во-вторых, качественно изменился характер рисков, в-третьих, роль неопределенности и рисков стала значительно большей, а последствия недостаточного внимания общества к угрозам и рискам становятся потенциально все более опасными. Эти изменения приводят к тому, что современное общество находится под постоянным воздействием и давлением все более масштабных и потенциально все более опасных вызовов и угроз.

Прежде всего, отмеченные изменения являются следствием того, что само современное общество находится в состоянии системных трансформаций. Как отмечает А. Городецкий, «системная трансформация – это долгосрочный и последовательный исторический процесс формационных и цивилизационно-культурных преобразований, означающих смену экономических, социальных, политических, культурных эпох, миропорядка, общественного строя, практически всех фундаментальных основ жизни человека и социума». Системной трансформации всегда присущи фундаментальные риски развития и безопасности – «трансформационные риски», кроме того, возникают «риски эклектических трансформаций» [4].

Новая роль качественно новых рисков в современном глобальном обществе дала основания У. Беку выдвинуть концепцию «мирового общества риска» [1]. Бек предположил, что новой парадигмой общества риска является проблема предотвращения систематически возникающих в процессе модернизации рисков и опасностей [2]. Необходимо уточнить, что, используя понятие «риск», Бек понимает нечто иное, чем то, что в исследованиях риска принято связывать с этим термином (см. выше): концепция риска в академической литературе, в основном, означает вычисляемую неопределенность, в то время, как в «мировом обществе риска» люди постоянно сталкиваются с неисчислимой неопределенностью. Хотя современные информационные технологии позволяют создавать все более совершенные системы управления рисками, риски, с которыми сталкиваются экономические агенты и общество в целом, – это «новые риски

рукотворных катастроф» и они все больше становятся не калькулируемыми и не локализуемыми [15, 24]. Следовательно, возможности страхования этих рисков и полного возмещения имущественного и морального ущерба от событий риска объективно уменьшаются. Вместе с тем ожидание катастрофических событий стало неотъемлемой чертой повседневной жизни современного общества, оно радикально меняет и поведение экономических агентов, широкое распространение получило понятие “*Fearonomics*” (появившееся еще в 2011 г.) – экономика страха.

Современное общество все больше занимается обсуждением, предотвращением и управлением рисками, которые оно само произвело [15], причем непредвиденные системные эффекты появляются именно из-за вмешательств в сложные системы, и эти эффекты способны «подорвать полные благих намерений усилия улучшить человеческое благосостояние» [17].

С учетом изложенного выше представляется, что введенное У. Беком понятие «общество риска», требует определенной корректировки – более адекватную характеристику современного общества содержит определение «общество неопределенности и риска». Общество неопределенности и риска не может рассматриваться как отдельная самостоятельная стадия развития общества. Общество неопределенности и риска не есть отдельная формация или этап какой-либо цивилизации или формации. Общество неопределенности и риска – обобщающая характеристика состояния современного общества как в развитых, так и в развивающихся странах, инвариантная по отношению к типологии цивилизации или стадийного развития, это характеристика современного этапа развития глобальной цивилизации. В обществе неопределенности и риска суть экономических и социальных отношений не изменяется, но меняются существенные характеристики институциональной среды, социальных контактов и взаимодействий, транзакций и сделок. (Используемое далее понятие «институциональная среда» объединяет все типы институтов – формальные (законы, нормы) и неформальные (правила, установки, модели поведения).) Главное в том, что общество неопределенности и риска всегда находится в «пограничном состоянии», когда практически любые масштабные внешние и внутренние шоки и/или трансформации, которые предсказать зачастую невозможно, способны кардинально изменить траекторию развития общества.

В центре внимания в данной статье – проблемы институциональных трансформаций. Эти трансформации имеют как преимущественно внутренние, так и преимущественно геополитические компоненты. В современном обществе неопределенности и риска институциональные трансформации прямо связаны с глобальными переменами, имеющими источником кризис модели однополярного мира. Геополитическая напряженность мультиплицирует угрозы, характерные для общества неопределенности и рисков. В силу ограниченности формата статьи эти процессы здесь не рассматриваются.

Социальные институты в обществе неопределенности и риска. При «совершенном» состоянии институтов общественный интерес сводится или раскладывается без остатка на сумму интересов индивидуумов [10]. Изложенное выше показывает, что институциональная среда общества неопределенности и риска может становиться более далекой от «совершенного» состояния и менее устойчивой. А это означает снижение способности институтов обеспечивать устойчивость обменов между людьми. Последнее, в свою очередь, означает увеличение вероятностей и возможных масштабов «провалов рынка» и «провалов государства».

Пандемия COVID-19 показала, что институциональные изменения необходимы во многих случаях там, где, как считалось ранее, созданы относительно эффективные институты, в том числе в общественном здравоохранении развитых стран. Наиболее актуальными проблемами общественного здравоохранения оказалась эффективность первой медицинской помощи и доступность ее услуг для населения. Пандемия показала, что даже в развитых странах отсутствие доступа к первой помощи для уязвимых групп населения (пенсионеров, малоимущих, мигрантов и др.) может привести к катастрофическим последствиям для общества. Таким образом, необходимы институциональные изменения, обеспечивающие открытый и равный доступ к первой медицинской помощи, независимо от того, являются ли нуждающиеся в ней лица временно или постоянно проживающими, без исключений обусловленные гражданством и социальным статусом. Страховая медицина, источником финансирования которой являются взносы застрахованных лиц и работодателей, не в состоянии обеспечить такой доступ. Поддерживать систему здравоохранения в рабочем состоянии способны социальные институты, сочетающие рыночные и нерыночные принципы финансирования и предоставления основных услуг здравоохранения – платных и бесплатных. Этот комплекс проблем имеет глобальный характер, но они актуальны и в Российской Федерации [7]. Риск возникновения новых чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения продолжает расти из-за ухудшения состояния окружающей среды и усиления геополитической нестабильности, что несоизмеримо затрагивает бедные и наиболее уязвимые слои населения [27].

Реакцией на тенденции увеличения неопределенности и рисков является усиление запроса общества на устойчивое развитие и безопасность. Кроме того, чем значительнее неопределенность, тем выше спрос на знания, и тем больше, как отметил К. Эрроу, информация и знания становятся товаром [14]. Развитие «экономики знаний» полностью подтверждает этот тезис.

Безусловно, «цифровизация» приобрела решающее значение и для «экономики» знаний, и для решения вопросов безопасности. «Вселенная» информационных систем во многих случаях уже стала своего рода «коллективным разумом» человечества. Однако нельзя не заметить, что ее функции постепенно выходят за рамки «служебных» отношений с пользователями. Появившийся как своеобразный продукт «удвоения самосознания» навязчивый советчик,

от предложений которого зачастую «невозможно отказаться», заставляет вспомнить о диалектике взаимоотношений раба и господина, рассмотренной Г.В. Гегелем двумя столетиями ранее нашего времени [3].

Современные информационные технологии позволили развернуть упомянутый продукт «удвоения самосознания» в «капитализм наблюдения» («*surveillance capitalism*») [25, 26], который, в отличие от «раба», рассмотренного Гегелем, не имеет страха. Эта модель действий корпораций, доминирующих в сфере информационных технологий, позволяет не только наблюдать, но и создает виртуальные способы управления и манипулирования поведением пользователей информационных систем. Такие корпорации действуют посредством модификации поведения. Цифровизация позволяет резко увеличить асимметричность информации, имеющейся в распоряжении владельцев информационных технологий, и лиц, которые имеют лимитированный этими владельцами доступ к использованию информационных технологий. «Капитализм наблюдения» создает иллюзии контроля неопределенности и рисков индивидуального поведения, но одновременно создает масштабную неопределенность для конкретных лиц, которая связана с невозможностью представить будущее поведение «наблюдателей», результаты их фактического вмешательства в деловые отношения и частную жизнь.

В обществе неопределенности и риска многосторонние неполные контракты распространяются как одна из основных форм контрактных отношений вследствие умножения, разветвления и увеличения длительности глобальных торговых и технологических цепочек. Усиливается противоречие: с одной стороны, заключение неполных контрактов и их последующая пролонгация предполагает высокий уровень доверия участников контрактов; с другой стороны, в обществе неопределенности и рисков, подверженном угрозам резких изменений внутренних и внешних обстоятельств, исполнение таких контрактов часто затрудняется, а взаимное доверие уменьшается (см. ниже).

Неопределенность характеризует и сами институты. Институциональная неопределенность — понятие, отражающее непредсказуемость взаимодействия экономических агентов и различных институтов (культурных, идеологических, этических, этнических, политических, деловых и т.д.); агенты не могут оценивать результаты таких взаимодействий только как источники рисков и, следовательно, оценивают их как источники неопределенности. Неопределенность является атрибутом институциональной среды; эта неопределенность отражает несовершенство самих институтов (см. выше), а также неполноту знаний о текущем и будущем состоянии институциональной среды и ее влиянии на поведение экономических агентов. Институциональная среда в целом обладает двойным свойством и двойным влиянием, способным порождать как устойчивость взаимодействий, так и неопределенность и риски для экономических агентов. Эта двойственность свойственна всем институтам — формальным

и неформальным. В обществе неопределенности и рисков эффекты, связанные с институциональной неопределенностью, становятся более масштабными. Следует также отметить, что некоторые институты, прежде всего, неформальные могут быть плохо наблюдаемыми, особенно «внешними» наблюдателями, принадлежащими другой социально-культурной среде. В то же время степень влияния таких «ненаблюдаемых» институтов на экономические процессы может быть высокой. Институциональную неопределенность часто смешивают с политической неопределенностью, но политические изменения далеко не всегда корреспондируют с трансформациями институтов и наоборот [20].

Несовершенство институтов, расхождение легальных и реально осуществляемых функций институтов, нелинейная траектория их развития, разнонаправленные изменения компонентов институциональной среды, увеличение масштабов негативных экстерналий, которые становятся следствием хаотичных институциональных трансформаций являются отличительными и зачастую парадоксальными особенностями общества неопределенности и рисков. Чем более масштабными и неопределенными являются вызовы и угрозы, к которым институты должны адаптироваться или которым они призваны противодействовать, тем больше разнородной институциональных реакций. Результатом борьбы часто противоположных тенденций институциональных трансформаций является актуализация возможности резких изменений направленности социально-экономического развития, последствия которых трудно предугадать и оценить. В то же время научные представления о критериях выбора необходимых институциональных трансформаций продолжают оставаться неясными.

Маргинализация как институциональная проблема. Целый ряд критических долгосрочных угроз, характерных для общества неопределенности и рисков в условиях глобализации, порождается многократно констатированным исследователями процессом размывания среднего класса.

Результатами этого процесса является не только поляризация, но и маргинализация общества. В данном случае процесс маргинализации общества необходимо рассматривать шире, чем обычно принято. По нашему мнению, этот процесс происходит на обоих полюсах социальной лестницы: не только на нижнем, как принято считать, но и на верхнем, где топ-менеджеры и реальные собственники привыкают действовать, не оглядываясь на общепринятые институты правил и норм, фактически – как «безбилетники», присвоившие себе особые права. В группах, позиционирующих себя как элита, такое девиантное поведение в настоящее время зачастую считается признаком «избранности».

Маргинализация элит имеет следствием рост числа решений, оказывающих негативное влияние на общественное благосостояние. В частности, неизбежным следствием маргинализации общества стало уменьшение возможностей доступа значительного числа людей к современному здравоохранению, образованию и социальному обеспечению (социальным услугам), что, как отмечено

выше, препятствовало организации парирования угроз пандемии COVID-19 и усилило ее негативные социальные эффекты.

С другой стороны, и на нижних этажах социальной лестницы увеличиваются масштабы девиантного экономического поведения, для которого также характерно игнорирование норм социальных контактов, мошенничество при проведении финансовых операций.

В массовом сознании девиантное поведение становится симулякром оригинальности и в этом качестве – стандартом экономического поведения. То, что раньше было исключением или тщательно скрывалось, в обществе неопределенности и рисков во многих случаях стало образцом для подражания: такие социальные стандарты становятся самостоятельным источником угроз обществу.

Институты современного общества в развитых странах сформировались применительно к условиям доминирования среднего класса, когда «безбилетники» не могли оказать существенного влияния на состояние общества в целом и институты обеспечивали адекватное политическое выражение доминирования среднего класса. Но такие институты оказываются уязвимыми перед активностью «безбилетников», когда влияние последних возрастает.

Характерная черта общества неопределенности и рисков – увеличение роли финансовых отношений в экономике и обществе и усиление элемента неопределенности в финансовых сделках. Бегство финансов в виртуальный мир финансовых пузырей во многом является продуктом стремления избежать неопределенности реального мира. Действительно, использование распределенных баз данных позволяет минимизировать риски контрагентов. Однако, используемые виртуальные финансовые инструменты, которые часто рассматривают и используют как инструменты страхования финансовых рисков, вносят значительный вклад в увеличение финансовых «пузырей» и скорость перемещения капиталов между этими «пузырями». В свою очередь, эти изменения увеличивают системные риски, которые генерируются неопределенностью перспектив финансовых «пузырей». Отмеченные проблемы существенно уменьшают взаимное доверие контрагентов сделок. В частности исследователи констатируют значительное снижение уровня обобщенного доверия среди финансовых специалистов по сравнению со снижением доверия среди населения США в целом, что является уникальным для финансовой индустрии и снижение доверия к институтам, которые имеют отношение к финансовой индустрии. Такое снижение доверия связано, в том числе, со снижением уровня социализации среди финансовых специалистов [21].

Таким образом, цифровой инструментарий «наблюдающего капитализма», в случаях использования «элитарными» девиантными безбилетниками, продуцирует целый ряд угроз, чреватых трудно предсказуемыми последствиями. Ответ на вопрос: какие институциональные трансформации необходимы, чтобы отмеченные выше деструктивные тенденции не стали в ближайшем и более

отдаленном будущем тенденциями, определяющими траекторию развития общества – предстоит еще получить.

* * *

В последние десятилетия современное общество фактически преобразовалось в общество неопределенности и риска. В предшествующие эпохи процессы институциональных трансформаций происходили преимущественно путем постепенного движения по траекториям развития или деградации. Это поступательное движение периодически сменялось периодами скачкообразных изменений, в отношении которых правомерно использовать термин «революционные». В современном обществе, которое находится под возрастающим давлением разнородных угроз и рисков, увеличения вероятности и масштабов «провалов рынка» и «провалов государства», маргинализации общества, негативных эффектов информатизации, конфликтов различных социальных групп, институциональные трансформации отличает спонтанность и противоречивость. В то же время научные представления о критериях выбора необходимых институциональных трансформаций продолжают во многом оставаться неясными.

Литература

1. Бек У. От индустриального общества к обществу риска / Пер. с нем. // THESIS. 1994. Вып. 5.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. // Прогресс-Традиция. 2000.
3. Гегель Г.В. Феноменология духа / Пер. с нем. М.: Наука, 2000.
4. Городецкий А.Е. Экономическая безопасность России на новом трансформационном повороте в условиях COVID-2019 // Экономическая безопасность России в новой реальности: Коллективная монография / Под общ. ред. А.Е. Городецкого, И.В. Караваевой, М.Ю. Льва. М.: ИЭ РАН, 2021. Гл. 1.
5. Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М.: Росспэн, 2006.
6. Капелюшников Р. Собственность без легитимности? // Вопросы экономики. 2008.(3).
7. Коломиец А.Г. Финансовые регуляторы противодействия глобальным угрозам COVID-19 в системе предоставления первой медицинской помощи // Экономическая безопасность России в новой реальности: Коллективная монография / Под общ. ред. А.Е. Городецкого, И.В. Караваевой, М.Ю. Льва. М.: ИЭ РАН, 2021. Глава 5, параграф 5.6.
8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование / Пер. с англ. М., 1997.
9. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп / Пер. с англ. М.: ФЭИ, 1995.
10. Рубинштейн А.А., Гринберг Р.С., Городецкий А.Е. Эволюция патерналистского государства: опыт теоретического анализа. М.: ИЭ РАН, 2020.
11. Тамбовцев В.Л. Качество институтов: проблемы определения и оценки // Вопросы экономики. 2021. №7. С. 49–67.
12. Тойнби А. Постигание истории / Пер. с англ. М., 1996.
13. Acemoglu D., Robinson J. (2010). The Role of Institutions in Growth and Development. Review of Economics and Institutions. 1(2). Article 1.

14. *Arrow K.J.* (1963). Uncertainty and the Welfare Economics of Medical Care. *The American Economic Review*. Vol. 53. No. 5.
15. *Beck U.* (2006). Living in the world risk society. // *Economy and Society*. Vol. 35 Number 35. 03.08.2006: 329–345.
16. Bloomberg. Информационная лента. 23.05.2022.
17. *Coyne C.J., Duncan T., Hall A.* (2020). The Political Economy of State Responses to Infection Disease. *GMU Working Paper in Economics*. No. 20–30.
18. *Eggertsson T.* (1990). *Economic Behavior and Institutions*. New York: Cambridge University Press.
19. *Knight F.H.* (1921). Risk, uncertainty, and profit. *Library of Economics and Liberty*.
20. *Kolomiets A.* (2020). Institutional uncertainty in transitional and developing economies. // *National Accounting Review*. 2020. 2(1).
21. *Limbach P., Rau P.R., Schürmann H.* (2022). The Death of Trust Across the U.S. // *Finance Industry*.
22. *Nooteboom B.* (2019). Uncertainty and the Economic Need for Trust. // *Trust in Contemporary Society*. / Book Editor(s): Masamichi Sasaki, Published by Brill Stable.
23. *Olson M.* (1997). The New Institutional Economics: The Collective Choice Approach to Economic Development. // *Institutions and Economic Development. Growth and Governance in Less Developed and Post-Socialist Countries*. / Edited by Christopher Clague. 1997. The Johns Hopkins University Press.
24. *Sorensen M.P.* (2018). Ulrich Beck: exploring and contesting risk. // *Journal of Risk Research*, 21(1), 6–16.
25. *Zuboff S.* (2015). Big Other. Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization. // *Journal of Information Technology* (2015) 30.
26. *Zuboff S.* (2019). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. London: Profile Books, 2019.
27. World Health Organization (WHO), (2022). Strengthening the Global Architecture for Health Emergency Preparedness, Response and Resilience White paper for consultation 4 May 2022.

Andrey Kolomiets (e-mail: agk1807@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Leading Researcher,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

A SOCIETY ENGULFED BY UNCERTAINTY AND RISK: THE INCONSISTENCY OF INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS

The article deals with the problems of criteria for assessing institutional transformations, legitimization and legalization of institutions. It is noted that institutional transformations in modern society, which normally are the result of gradual and long-term processes, can also be contradictory and subjected to increasing pressure from uncertain threats and risks, in particular, due to an increase in the likelihood and scale of “the market failures” and “the state failures”, the marginalization of society, acute social conflicts, and negative effects of informatization. At the same time, scientific ideas about the criteria for choosing the appropriate institutional transformations continue to be largely vague.

Keywords: institutions, legitimization, uncertainty, risk, threat, free-rider.